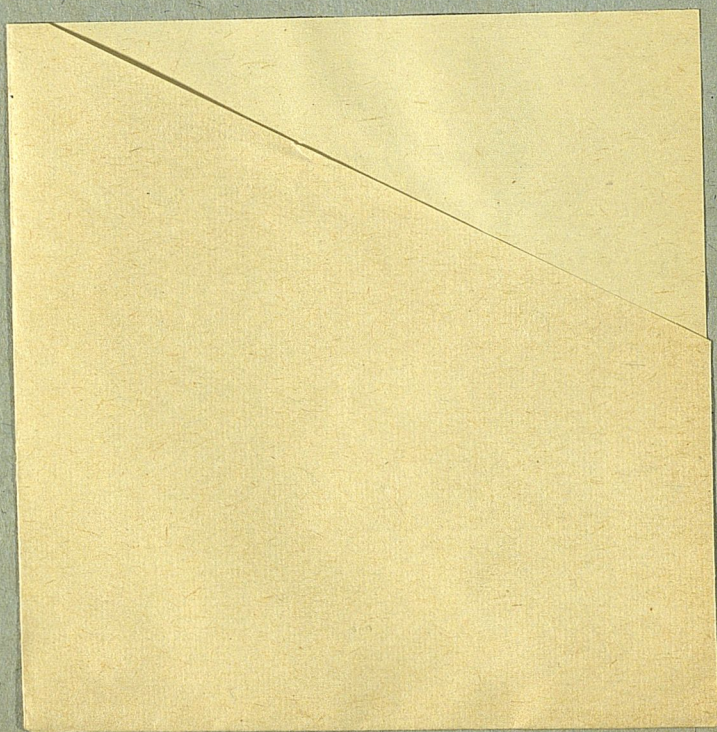

P⁴⁷₁₂₀

Вын. 1-20.

Р 91
120
А. К. СЕМЕНОВЪ.

„ТЕМНИЧЕКЪ“

ВЫПУСКЪ 18-ый

о о о о Курсъ VIII класса. о о о о

И. С. Тургеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- 1) Лишніе люди въ произведеніяхъ Тургенева.
- 2) Характеристика Рудина.
- 3) Рудинъ и Чацкій.
- 4) Рудинъ, какъ представитель своей эпохи.
- 5) Базаровъ, какъ представитель шестидесятыхъ годовъ.
- 6) Отцы и дѣти.
- 7) Особенности творчества и таланта Тургенева.

Книгоиздательство

М. С. Козмана въ Одессѣ.

ЦѢНА 20 КОП.

Кингоиздательство М. С. КОЗМАНА, Одесса.

Переводы съ полными словарями, комментаріями и подробнымъ синтаксическимъ разборомъ слѣдующихъ книгъ (по изд. Манштейна):
(Нѣкоторые переводы съ латинскими текстами).

	коп.		коп.
I, II, III, IV, V, VI, и VII		Лессингъ. М.-ф. Варгильмъ	35
книгъ Юлія Цезаря по . 50		Шиллеръ. Ист. 30-л. войны	35
Всѣхъ 7 книгъ Ю. Цезаря . 60		Новые французскіе писат.	35
Избран. отрывковъ Цезаря . 50		Вольтеръ. Истор. Карла XII	35
XXI, XXII и XXX книгъ		Местръ. Параша-Сибирячка	35
Тита Ливія по . . . 60		Сувестръ. У камина . . .	35
1-ой книги Тита Ливія . 75		Романъ молодого бѣдняка .	35
Избран. стих. Овидія Назона 60		Мольеръ. Скупой	25
Рѣчей Цицерона:		Избран. сказокъ Гауффа .	25
„ противъ Катилины . 60		Лихтенштейна Гауффа по	
„ За Архія Поэта . . 40		Манштейну, по Еше по	50
„ о назнач. Гнея Помпея 50		Къ учебн. нѣм. яз. Глезеръ	
„ противъ Вереса . . 35		и Цекольдъ ч. I и II по .	35
„ за Аннія Милона . 60		„ къ хрестоматіи Глезера .	60
„ за Квинта Лигарія . 40		Ключъ къ I и 2-ой ч. учеб.	
I, II, III, IV, V и VI пѣсни		нѣм. яз. Аллендорфа по	40
Энеиды Вергилія по . 50		„ ко 2-ой ч. учеб. нѣм. яз.	
Всѣхъ 6 пѣсенъ Э. Вергилія 60		Мительштейнера . . . 40	
Одъ и Эподъ Горация . . 50		Ключъ ко 2 ч. учеб. франц.	
Югурт. войны Саллюстія . 60		яз. Россманъ и Шмитъ .	40
Консп. латин. синтаксиса 40		„ ко 2-ой ч. учеб. франц.	
Ключъ къ учебн. латинск.		языка Триллинга . . 40	
языка Виноградова . . 50		„ 2-ой ч. учеб. франц. яз.	
Тоже къ Михайловскому . 50		Шансель и Глезеръ . 50	
Къ практикѣ латинскаго		„ приг. курсу учеб. франц.	
синтаксиса Виноградова 75		яз. Октава Класа . . 25	
Баумбахъ. Избран. разск. 35		„ къ I и 2-ой ч. франц. хре-	
Нов. нѣм. писат. т. I и II по 35		стоматіи Бастена 60 и 50	

Полные словари къ:

I, II, III, IV, V, VI и VII		Одамъ и эподамъ Горация .	25
книгамъ Ю. Цезаря по 25		Рѣч. Цицер. за Лигарія . .	30
7 книгамъ Цезаря . 1 р. 25		„ „ „ Милона . . . 30	
Избр. отрывкамъ Цезаря . 25		„ „ „ Гн. Помпея . . 30	
XXI-ой книгѣ Т. Ливія . 30		Югурт. войнѣ Саллюстія .	40
I, XXII и XXX кн. Ливія по 40		Книгѣ за Архія поэта . .	25
Избр. стих. Овидія Назона. 30		Уч. лат. яз. Виноградова .	25
Рѣч. Цицер. пр. Катил. . 30		Уч. лат. яз. Михайловск. .	25
I, II, III, IV, V и VI пѣс-		Франц. хрест. Бастена . .	25
нямъ Э. Вергилія по . . 25		П ч. Шанселя и Глезера .	25
Энеиды Э. Вергилія . 1 р. 20		Хрестоматіи Глезера . .	25

А. К. СЕМЕНОВЪ.

„ТЕМНИЧЕКЪ“

ВЫПУСКЪ 18-ый

о о о о Курсъ VIII класса. о о

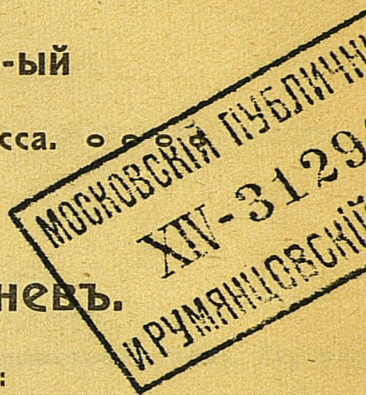
И. С. Тургеневъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Лишніе люди въ произведеніяхъ Тургенева.
- 2) Характеристика Рудина.
- 3) Рудинъ и Чацкій.
- 4) Рудинъ, какъ представитель своей эпохи.
- 5) Базаровъ, какъ представитель шестидесятыхъ годовъ.
- 6) Отцы и дѣти.
- 7) Особенности творчества и таланта Тургенева.

Книгоиздательство
М. С. Козмана въ Одессѣ.

ОДЕССА,

Типография книгоиздательства М. С. Козмана.

Госпитальный пер., 10, собствен. дощъ.

1. „Лишніе люди“ въ произведеніяхъ Тургенева.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Время появленія „лишнихъ людей“ въ русской литературѣ.

„Лишніе люди“ въ русской жизни.

Причины ихъ появленія:

- а) внѣшнія условія,
- б) плохая психическая организація,
- в) разладъ между личностью и средой.

„Лишніе люди“ въ изображеніи предшественниковъ Тургенева:

- а) Чацкій,
- б) Онегинъ,
- в) Печоринъ.

Изложеніе.

„Лишніе люди“ въ произведеніяхъ Тургенева:

- а) Гамлетъ Щигровскаго уѣзда („лишній“ въ общественной жизни):

- а) высокія требованія,
- б) несоотвѣтствіе требованій природнымъ даннымъ,
- γ) стремленіе додумать мысль до конца,
- δ) неумѣніе согласовать дѣло со словомъ,
- ε) поверхностность,
- ζ) неприспособленность къ жизни.

- б) Чулкатуринъ („лишній“ въ личной жизни):

- а) широта пониманія,
- б) сомнѣніе въ себѣ,

- γ) самолюбіе,
- δ) себялюбіе,
- ε) мнительность,
- ζ) смерть Чулкатурина.

в) Рудинъ:

а) „лишній“ въ личной жизни—

- α') резонерство,
- β') холодность,
- γ') отсутствіе сердечности,
- δ') неумѣнье понять чужое чувство,
- ε') малодушіе.

β) „лишній“ въ общественной жизни—

- α') стремленіе Рудина стать дѣятелемъ,
- β') невыдержанность,
- γ') лѣнь,
- δ') духовныя блага:
 - α'') идеалистическія настроенія,
 - β'') возвышенныя идеи,
 - γ'') умственные интересы.

γ) Что сдѣлало Рудина „лишнимъ“?

Заключеніе.

Новые люди въ русской жизни.

Новые люди въ произведеніяхъ Тургенева.

Въ началѣ XIX ст. лучшіе русскіе писатели даютъ рядъ типовъ, связанныхъ между собой общей характерной чертой. Это люди болѣе или менѣе сильныя, съ той или иной степенью образованія и умственнаго развитія, съ интеллектомъ, не въ одинаковой мѣрѣ возвышеннымъ. Но всѣ они характеризуются тѣмъ, что своихъ способностей они не въ состояніи приложить къ какому-либо дѣлу, что ихъ знанія ни имъ, ни окружающимъ никакой пользы не приносятъ. Этихъ людей называютъ „лишними“.

Появленіе „лишнихъ людей“ въ литературѣ есть, конечно, просто результатъ появленія ихъ въ жизни.

„Лишніе люди“ въ странѣ, которой такъ нужны неглупые, образованные люди, могутъ показаться явленіемъ страннымъ, на первый взглядъ, даже загадочнымъ. Постараемся однако найти ему объясненіе.

Первое, что готово прийти въ голову наблюдателю, это—свалить вину на внѣшнія препятствія, на неблагоприятныя условія, тормозившія какъ общественную дѣятельность, такъ и личную инициативу. Эти неблагоприятныя условія, особенно въ то глухое деформенное время, имѣли, конечно, очень большое значеніе. Но это значеніе заключается въ томъ, что тяжелая атмосфера реакціи оказываетъ ослабляющее и угнетающее дѣйствіе на плохо организованную, неустойчивую психику „лишняго человѣка“. Эта атмосфера дѣлаетъ его еще болѣе лишнимъ, но она не создаетъ его.

„Лишняго человѣка“ создаетъ совмѣстное дѣйствіе двухъ факторовъ, которые могутъ быть на лицо гдѣ угодно и при весьма различныхъ условіяхъ общественной жизни. Одинъ—это плохая психическая организація человѣка, выражающаяся въ недостаткѣ душевной энергіи, въ вялости чувства и мысли, въ неспособности къ упорному и правильному труду, въ отсутствіи инициативы. Второй факторъ—это умственный, идейный и моральный разладъ между личностью и средой.

Иногда бывало достаточно одной изъ указанныхъ причинъ для того, чтобы человѣкъ сталъ „лишнимъ“. Но для созданія въ жизни цѣлаго типа „лишнихъ людей“, очевидно, необходимо содѣйствіе обѣихъ, такъ какъ человѣкъ съ плохой психической организаціей, вяло чувствующій, лишенный энергіи мысли и инициативы, тѣмъ не менѣе не окажется лишнимъ, если у него нѣтъ разлада со средой, по крайней мѣрѣ, съ ближайшей; съ другой стороны, человѣкъ, обладающій большой душевной энергіей, найдетъ возможность жить осмысленной жизнью даже при полномъ разладѣ съ окружающей средой.

Первымъ по времени „лишнимъ человѣкомъ“ въ русской литературѣ является Чацкій, герой комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Съ перваго своего появленія на сценѣ онъ всѣхъ стѣсняетъ, и самъ чувствуетъ себя совершенно одинокимъ.

„Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ“,—
вздыхаетъ Софья.

„Втянетъ онъ меня въ бѣду“,—

опасливо ворчитъ Фамусовъ, а самъ Чацкій, въ концѣ комедіи, оглядываясь на прожитый день, съ ужасомъ восклицаетъ:

„Съ кѣмъ былъ, куда меня закинула судьба?
Всѣ гонять, всѣ клянуть... Мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неумолимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ...“

Какая же причина одиночества и непонятости Чацкого, почему онъ лишній среди окружающаго его общества?

Кто такой Чацкій? Въ чемъ роль Чацкого въ комедіи? Въ чемъ роль Чацкихъ въ жизни?

Лучшій отвѣтъ на эти вопросы далъ Гончаровъ въ своемъ очеркѣ „Милліонъ терзаній“.

„Роль и фізіономія Чацкихъ“, пишетъ онъ, „неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь, „жизнь свободную“.

И дѣйствительно, Чацкій самъ объясняетъ свой разладъ съ современнымъ ему обществомъ такъ:

„Пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣсты, ни повышенья въ чинъ,
Въ науку онъ вперить умъ, алчущій познанья,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: „Разбой! Пожаръ!..“

Чацкій одинокъ съ перваго своего появленія въ Москвѣ. Его одиночество особенно ярко сказывается на балу, когда среди самаго горячаго своего монолога онъ оглядывается и видитъ, что „всѣ кружатся въ вальсѣ съ величайшимъ усердіемъ, старики разбрелись къ карточнымъ столамъ“ ¹⁾.

Типичнымъ „лишнимъ“ человѣкомъ является и безвольный, слабый, тоскующій, незнающій куда приложить свои силы Онѣгинъ, представляющійся чайльдъ-гарольдствомъ и кутающійся въ демоническую тогу, которая ему совершенно не къ лицу. По внѣшности Онѣгинъ похожъ на героевъ Байрона, онъ „москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ“, но онъ совершенно отличенъ отъ нихъ по своимъ внутреннимъ свойствамъ и качествамъ. Насколько сильны духомъ и волей байроновскіе герои, настолько же слабъ и безволенъ Онѣгинъ; подобно имъ, онъ тоже одинокъ, но они одиноки отъ избытка силы, Онѣгинъ же одинокъ отъ слабости, онъ переросъ мѣщанскую толпу, но не имѣетъ силы вырваться изъ нея, и, слабый въ своемъ одиночествѣ, предпочитаетъ задрапироваться въ „гарольдовъ плащъ“. Въ то время какъ могучихъ героевъ Байрона мучаютъ проклятые вопросы:

„Зачѣмъ я существую? Ты зачѣмъ
Несчастенъ самъ? Зачѣмъ всѣ въ мірѣ твари
Несчастливы такъ?“—

¹⁾ Конецъ III дѣйствія.

Онѣгина тревожатъ вопросы, на первый взглядъ, очень мелкіе и ничтожные:

„Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?“

Но несмотря на это нѣсколько комическое сопоставленіе, и Онѣгина въ сущности мучаютъ тѣ же вопросы о цѣли жизни: „чего мнѣ ждать?“—спрашиваетъ онъ нѣсколько ниже. Но полное отсутствіе силы—первая и характерная черта любимаго героя Пушкина.

Онѣгинъ и Печоринъ—люди разные, но они принадлежатъ къ одному и тому же общественно-психологическому типу. Это — типъ неудачника и лишняго человѣка. Какъ и Онѣгинъ, Печоринъ не можетъ осуществить своей „общественной стоимости“, потому что со средой своего круга онъ не ужился, а другой среды найти не умѣлъ; онъ также не располагалъ тѣмъ душевнымъ содержаніемъ, которое бы давало имъ возможность выносить тяготу душевнаго одиночества.

Лишь одно существенное различіе есть между Печоринымъ и Онѣгинымъ. Онѣгинъ не честолюбецъ, тогда какъ Печоринъ одержимъ бѣсомъ властолюбія. Онѣгинъ не искалъ славы, а Печоринъ страдаетъ отъ того, что искалъ и не достигъ. „Я видѣлъ, ни слава, ни счастье отъ нихъ (наукъ) не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и чтобы добиться ея надо только быть ловкимъ. *Тогда мнѣ стало скучно*“.

Въ отношеніи къ вопросу объ осуществленіи общественной стоимости эта особенность Печорина даетъ ему несомнѣнное преимущество передъ Онѣгинымъ. Въ соединеніи съ другими природными данными его: умомъ, хитростью, способностью къ интригѣ, неразборчивостью въ средствахъ, смѣлостью, сдержанностью, умѣньемъ управлять собой и пользоваться другими для достиженія своихъ цѣлей,—это честолюбіе давало ему возможность весьма и весьма преуспѣть въ жизни.

Но чисто-психологическая причина дѣлаетъ Печорина непригоднымъ ни для какой дѣятельности, которая бы могла удовлетворить его. Въ немъ, при всѣхъ задаткахъ для успѣховъ въ жизни, бросается въ глаза какое-то душевное безсиліе. И при своихъ индивидуальных особенностяхъ, онъ, какъ и всѣ „лишніе люди“, не умѣетъ или не можетъ найти себѣ дѣла, хотя бы маленькаго, опредѣлить свое призваніе въ жизни, осуществить свою общественную стоимость и является неудачникомъ и вѣчнымъ странникомъ, снѣдаемымъ тоской пустого существованія.

Перейдемъ теперь къ вопросу темы, къ „лишнимъ людямъ“ въ произведеніяхъ Тургенева.

Старѣйшій изъ „лишнихъ людей“ у Тургенева это—„Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“¹⁾. Характеръ героя этого разсказа вовсе не пародія на шекспировскаго Гамлета, какъ могло бы показаться по названію. Данныя натуръ того и другого, можетъ быть, дѣйствительно одинаковы; но шекспировскій Гамлетъ вызванъ на трагическую борьбу не по силамъ „событіемъ внѣ всякаго другого“, а Гамлетъ Тургенева, съ которымъ, напротивъ, случилась только обыкновеннѣйшая изъ обыкновенныхъ вещей, такъ и остался—„молодымъ человекомъ лѣтъ двадцати, подслѣповатымъ и бѣлокуримъ, съ ногъ до головы одѣтымъ въ черную одежду, видимо робѣвшимъ, но улыбавшимся язвительно“. Таковъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда; требованія его не по силамъ ему самому; голова его привыкла проводить мысль съ полной послѣдовательностью, а дѣло, которое требуетъ участія во 1, совершенно расходится съ мыслью, и стремленіе къ послѣдственности выражается у него, наконецъ, только въ сожалѣніи о томъ, что „нѣтъ блохъ тамъ, гдѣ онѣ по всѣмъ вѣроятностямъ должны быть“, и отсутствіе воли породило въ немъ робость передъ всѣмъ и передъ каждымъ. Онъ правъ, жалуясь на то, что не имѣетъ оригинальности, т. е. извѣстнаго, опредѣленнаго характера. Онъ уменъ по натурѣ, только уменъ умомъ совершенно безплоднымъ, не специальнымъ; онъ многое понимаетъ глубоко, но видитъ только совершившееся, не имѣя въ себѣ никакого чутія для совершающагося. Разумѣется, данныя для такого существа лежали уже въ самой натурѣ его,—хотя развиты преимущественно посторонними вліяніями, въ кружкахъ, о которыхъ онъ говоритъ съ такой злобой. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, во-первыхъ, всегда былъ больной мечтатель, а во-вторыхъ, онъ нисколько не специалистъ: онъ сгубленъ поверхностнымъ энциклопедизмомъ или, лучше сказать, отрывочными знаніями; онъ былъ такъ добросовѣстенъ, что не могъ „болтать, болтать, безъ умолку болтать, вчера на Арбатѣ, сегодня на Трубѣ, завтра на Сивцевомъ Вражкѣ, все о томъ же“; но, съ другой стороны, онъ былъ недостаточно крѣпокъ для мышленія уединеннаго, самобытнаго и замкнутого, которое рано или поздно довело бы его до сочувствія дѣйствительности и до пониманія дѣйствительности. И этотъ, по истинѣ „лишній человекъ“—лицо столько же комическое, сколько и трагическое, возбуждающее въ насъ болѣзненное сочувствіе, вызывающее на многіе вопросы и не дающее отвѣта ни на одинъ изъ нихъ.

¹⁾ „Записки охотника“.

Выраженіе „лишній человекъ“ Тургеневъ впервые употребилъ по отношенію къ Чулкатурину („Дневникъ лишняго человека“). Если Гамлетъ Щигровскаго уѣзда въ университетахъ и въ кружкахъ готовился къ тому, чтобы сдѣлаться общественнымъ дѣятелемъ, то Чулкатуринъ всю свою энергію направилъ на то, чтобы добиться взаимности у любимой имъ дѣвушки. Но какъ Гамлетъ, такъ и Чулкатуринъ оказались лишними. И разсказъ, въ которомъ Чулкатуринъ излилъ всю горечь своей истерзанной души, прочелъ только какой-то „Пѣтръ Зудотѣшинъ“, который подъ послѣдней строкой нарисовалъ „профиль головы съ большимъ хохломъ и усами, съ глазомъ en face и лучеобразными рѣсницами“ и сдѣлалъ слѣдующую выразительную надпись:

„Сью рукопись. Читаль
И Содѣржаніе Онной нѣ Одобрилъ
Пѣтръ Зудотѣшинъ
ММММ
Милостивый Государь
Пѣтръ Зудотѣшинъ
Милостивый Государь мой“.

Почему такъ вышло?

Главную роль въ жизни и личности Чулкатурина играетъ себялюбіе скептика. Какъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Чулкатуринъ прекрасно себя опредѣляетъ, назвавъ себя „лишнимъ человекомъ“.

„Къ другимъ людямъ“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, „это слово не примѣняется. Люди бываютъ злые, добрые, умные, глупые, пріятные и непріятные; но лишніе... нѣтъ... А я... Про меня ничего другого и сказать нельзя: лишній—да и только. Сверхштатный человекъ—вотъ и все... Во все продолженіе жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ быть оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, гдѣ бы слѣдовало... Ну, теперь скажите на милость, скажите сами, кому и на что такой человекъ нуженъ?“

Полюбивъ, Чулкатуринъ ожилъ было душой, сталъ болѣе простымъ и жизненнымъ. Но, должно быть, вѣчный анализъ, безпредѣльный, мучительный скептицизмъ подорвали въ немъ способность отдаться чувству, лишили его чувство свѣжести и силы. А, увидѣвъ, что ему предпочтенъ другой, онъ, по собственному сравненію, сдѣлался похожъ на того спартанца, „который, укравъ лисицу и спрятавъ ее подъ свою хламиду, ни разу не пикнувъ, позволилъ ей съѣсть всѣ свои потроха и, такимъ образомъ, предпочелъ самую смерть позору...“

Когда же Лиза (такъ звали любимую имъ дѣвушку) была оставлена своимъ женихомъ, Чулкатуринъ и здѣсь долженъ былъ уступить мѣсто подлѣ нея ничтожному Бизьменкову.

И умираетъ Чулкатуринъ такимъ же „лишнимъ“, какъ и жилъ, и смерть напослѣдокъ шутила съ нимъ одну изъ своихъ нелѣпыхъ шутокъ. Чулкатуринъ особенно боялся, что кончина его совпадетъ съ 1 апрѣля и умеръ именно въ ночь съ 1 апрѣля на второе.

Гамлетъ Щигровскаго уѣзда и Чулкатуринъ—это только наброски, эскизы. Во весь ростъ фигуру „лишняго человѣка“ 40-хъ годовъ далъ Тургеневъ въ „Рудинѣ“. Остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе ¹⁾.

Гамлетъ Щигровскаго уѣзда оказался лишнимъ для общества, которому онъ хотѣлъ служить. Чулкатуринъ отвергла дѣвушку, которую онъ полюбилъ; Рудинъ проявляется въ романѣ въ обоихъ отношеніяхъ.

Начнемъ съ любви между Рудинымъ и Натальей.

Мы съ перваго же появленія героя на сцену увѣрены, что Наталья любитъ Рудина, а онъ?

Объ отношеніи Рудина къ любви вообще мы узнаемъ изъ разсказа Лежнева. Этотъ послѣдній въ молодости влюбился въ „предобренькую“ дѣвушку, открылъ свое чувство Рудину, и тотъ отнесся къ факту въ духѣ своихъ современниковъ-философовъ: „поздравилъ меня“,—разсказываетъ Лежневъ: „и тотчасъ же пустился вразумлять меня, толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія“.

На Лежнева слова Рудина производятъ громадное впечатлѣніе: „Я уши развѣсилъ. Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно“.

Если Рудинъ такъ говоритъ о чужой любви, то, казалось-бы, самъ онъ подъ вліяніемъ чувства долженъ пережить очень возвышенныя настроенія. На дѣлѣ оказывается нѣчто совершенно иное.

Вотъ какъ Рудинъ говоритъ съ Натальей о своемъ будущемъ, о томъ, что его ожидаетъ:

„Любовь“ (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечами)... Любовь—не для меня... я ея не стою; женщина, которая любитъ, въ правѣ требовать всего человѣка, а ужъ я весь отдаться не могу. Притомъ, нравиться—это дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы. Дай Богъ свою сносить на плечахъ!“

По этому же пути Рудинъ идетъ до конца своего романа съ Натальей. Любитъ онъ ее или нѣтъ? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ нравственная оцѣнка его поведенія въ послѣднемъ свиданіи.

¹⁾ См. также слѣдующее сочиненіе.

Если любить, тогда его колебанія—трусость, боязнь нравственной и практической отвѣтственности. Если нѣтъ—его резонерство въ практической моментъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ желаніе обычнымъ словоизверженіемъ прикрыть отсутствіе настоящаго чувства.

Мы должны остановиться на послѣднемъ объясненіи. Рудинъ *не любитъ* Наталью настолько, чтобы связать съ ней свою жизнь. И весь романъ Рудина съ Натальей, гдѣ на ея сторонѣ правда и искреннее чувство, на его сторонѣ рисовка и манерничанье, рисуетъ намъ Рудина въ очень неприглядномъ свѣтѣ.

Обратимся теперь къ самой важной сторонѣ жизни нашего героя, разберемъ Рудина, какъ общественнаго дѣятеля, какъ гражданина. Посмотримъ, можно-ли и здѣсь, и въ какомъ смыслѣ назвать Рудина „лишнимъ человѣкомъ“.

Для Онѣгина и Печорина этотъ вопросъ рѣшается гораздо легче. Праздные, скучающіе, безучастные къ окружающей средѣ, къ народу, къ самому идеалу, они были лишніе не только потому, что не умѣли сдѣлаться дѣятелями жизни, но еще болѣе потому, что не имѣли никакой охоты къ этому. Не то—Рудинъ. Въ сущности онъ ничего другого и не дѣлаетъ, какъ именно стремится стать дѣятелемъ, вліять на жизнь, на людей. Онъ суетится, хлопочетъ, изъ силъ выбивается, и въ этомъ смыслѣ онъ—человѣкъ вовсе не праздный. При всей своей невыдержанности въ трудѣ, о чемъ была рѣчь выше, при всей своей лѣни, въ которой онъ самъ сознается, Рудинъ—не бѣлоручка не баловень, не „зритель“ жизни. Онъ—въ своемъ родѣ—труженикъ жизни, мученикъ „фразы“, за которой однако скрывается нѣчто положительное,—идеалистическое настроеніе, возвышенныя, хотя и неопредѣленныя, туманныя идеи, отъ которыхъ онъ такъ же не можетъ „отдѣлаться“, какъ не можетъ отдѣлаться отъ красивой фразы.

И эту фразу, вмѣстѣ съ настроеніемъ и идеей, въ ней скрытыми, Рудинъ несетъ въ жизнь, онъ обращается съ ней къ юдямъ, къ средѣ, которая за это и выбрасываетъ его вонъ. Тогда и обнаруживается, что онъ—*лишній* въ этой средѣ. Въ средѣ, гдѣ Рудинъ хотѣлъ дѣйствовать, всѣ эти духовныя блага не имѣли цѣны, и неудивительно, что ихъ представитель не могъ, даже, еслибы обладалъ гораздо большей работоспособностью, цѣпкостью и практическимъ смысломъ, осуществить въ этой средѣ свою общественную стоимость и подъ конецъ самъ убѣдился въ томъ, что онъ—„лишній“. Это сознаніе скорбной нотой прозвучало въ его послѣднемъ разговорѣ съ Лежневымъ, гдѣ, между прочимъ, Рудинъ самъ говоритъ о себѣ:

„Мнѣ рѣшительно скрывать нечего: я вполне и въ самой сущности слова,—человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣ-

ниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хоть ничтожную пользу. Нѣтъ! Не удастся! Что это значитъ? Что мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе?... Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нея долой... Я сталъ бояться ея—моей судьбы... Отчего все это? Разрѣши мнѣ эту загадку!"

(„Эпилог“).

„Лишніе люди“ появились въ русской жизни и въ русской литературѣ въ самомъ началѣ XIX вѣка и продержались въ ней всю первую половину его. Въ шестидесятыхъ годахъ этого же столѣтія появились уже люди новые, ясно и опредѣленно сознающіе свои цѣли и достаточно вооруженные для того, чтобы прямымъ путемъ идти къ ихъ достиженію. И тотъ же Тургеневъ въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ вывелъ такихъ людей въ образахъ Базарова¹⁾ и Соломина²⁾.

2. Характеристика Рудина.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Рудинъ, какъ сынъ своего времени.

См. сочин. № 1.

Изложеніе.

Характеристика Рудина.

А) Умъ.

а) Образованіе:

а) разносторонность,

β) поверхностность.

б) Краснорѣчіе:

а) страстность,

β) увлекательность,

γ) способность къ импровизаціи,

δ) афоризмы.

¹⁾ „Отцы и дѣти“.

²⁾ „Новь“.

Сердце.

а) Идеалы Рудина:

- а) дѣятельность на пользу просвѣщенія,
- б) вѣра въ человѣка,
- γ) высокое представленіе о любви.
- δ) самопожертвованіе,
- ε) вѣрность долгу.

б) Желаніе осуществить свои идеалы.

в) Сухость сердца.

г) Себялюбіе.

Воля.

а) Слабоволіе.

б) Нерѣшительность.

в) Неприспособленность къ жизни.

г) Несостоятельность.

Заключеніе.

Положительное и отрицательное въ характерѣ Рудина.

3. Рудинъ и Чацкій.

(Параллель).

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Для этого сочиненія учащіеся могутъ использовать матеріалъ сочиненія № 1.

Вступленіе.

Рудинъ и Чацкій, какъ „лишніе люди“.

Изложеніе.

Сравнительная характеристика Рудина и Чацкого.

А) Черты сходства.

- а) Цѣль—борьба съ обществомъ.
- б) Орудіе борьбы—слово.
- в) Характеръ рѣчей:
 - а) энтузіазмъ,
 - б) глубокая вѣра,
 - γ) вдохновенность.

- г) Непрактичность.
- д) Неприспособленность къ жизни.
- е) Одиночество.
- ж) разочарованность.
- з) „Милліонъ терзаній“.

Б) Черты различія.

Чацкій.		Рудинъ.
---------	--	---------

а) Время дѣйствія:

20-тые годы.		40-ые годы.
--------------	--	-------------

б) Идеалы:

общественно-политическіе.		отвлеченно-философскіе.
---------------------------	--	-------------------------

в) Убѣжденія:

славянофиль.		западникъ.
--------------	--	------------

г) Темпераментъ:

страстность.		холодность.
--------------	--	-------------

д) Дѣятельность:

борьба.		призывъ къ высокимъ идеаламъ.
---------	--	-------------------------------

Заключеніе.

Причины сходства и различія въ характерахъ Чацкого и Рудина.

4. Рудинъ, какъ представитель своей эпохи.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Краснорѣчіе:

- а) его вліяніе на общество,
- б) на каждого человѣка и
- в) въ особенности на молодежь.

Причины этого вліянія.

Изложеніе.

Русское общество времени Рудина.

Двойственность въ немъ:

- а) образованное меньшинство,
- б) невѣжество и грубость широкихъ круговъ.

Разладъ между мечтами и дѣйствительностью, какъ результатъ этой дѣйствительности.

Личности, примирившіяся съ такимъ порядкомъ.

Непримиримость Рудина.

Неспособность Рудина принести пользу обществу.

Страданія, этой неспособностью вызванныя.

Характеръ Рудина:

- а) безалаберность,
- б) даровитость,
- в) идеализмъ,
- г) увлекательность,
- д) честность,
- е) благородство,
- ж) отсутствіе выдержки и
- з) инициативы.

Смерть Рудина.

Заключеніе.

Въ характерѣ Рудина виновато создавшее его общество.

5. Базаровъ, какъ представитель шестидесятихъ годовъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Шестидесятые годы.

а) Новыя настроенія:

- а) критическое отношеніе къ дѣйствительности,
- б) причины его,
- в) недовольство,
- г) борьба съ рутиной,

б) Перемѣна въ міровоззрѣніи:

- а) идеализмъ 40-ыхъ годовъ
(„Отцы“ въ романѣ Тургенева),
- б) реализмъ 60-тыхъ годовъ.

в) Причины этой переменны:

а) вліяніе запада,

β) увлеченіе естественными науками.

г) „Разночинецъ“

а) отношеніе къ нему въ прежней литературѣ.

α') Лиза (Карамзина).

β') Акакій Акакіевичъ („Шинель“).

β) разночинцы, какъ герои литературныхъ произведений 60-тыхъ годовъ.

γ) разночинцы—писатели.

Изложеніе.

Базаровъ, какъ представитель 60-тыхъ годовъ.

а) Нигилизмъ Базарова.

а) Терминъ.

β) Отрицаніе Базарова:

α') „эстетика“—

α'') поэзія,

β'') живопись,

γ'') красота природы,

δ'') музыка.

β') „предразсудки“—

α'') принципы,

β'') авторитеты,

γ'') традиція.

γ') „условности“

α'') семейная жизнь,

β'') общественная жизнь,

γ'') аристократизмъ.

δ') чувство.

б) Базаровъ, какъ разночинецъ.

а) Воспитаніе.

β) Трудоспособность.

γ) Демократизмъ.

в) Характеристика Базарова.

а) Умъ:

α') образованность,

β') глубокое пониманіе людей,

γ') смѣлость взглядовъ,

δ') критика Базарова.

β) Сердце:

α') честность и правдивость,

β') способность всецѣло отдаться идеѣ,

γ') гордость.

γ) Воля:

α') сила воли,

β') стремленіе къ внутренней свободѣ,

γ') смерть Базарова.

Заключеніе.

Базаровъ не вполне сформировавшійся человѣкъ.

Противорѣчія

а) въ теоріи,

б) въ жизни:

α) отрицаніе любви и отношенія

α') къ Одинцовой,

β') къ родителямъ,

γ') къ Аркадію Кирсанову.

β) страданія отъ одиночества,

γ) дуэль.

Отношеніе людей 60-тыхъ годовъ къ роману Тургенева.

Шестидесятые годы прошлаго столѣтія были временемъ великаго перелома въ русской общественной мысли.

Севастопольское пораженіе, пораженіе тѣхъ, которые съ высоты трона были признаны героями, объяснялось недостатками тогдашняго государственнаго строя. Взятчиичество и казнокрадство чиновничества, уже давно не бывшія ни для кого секретомъ, теперь обнаружили въ полной степени. Недовольство овладѣло большими слоями русскаго общества. Всѣ маломальски развитые и думающіе люди поставили себѣ задачей бороться съ рутиной, которая привела отечество на край гибели.

Одновременно происходитъ крупная перемѣна во взглядахъ общества. Сороковые годы были временемъ всеобщаго увлеченія туманной идеалистической философіей Гегеля. Въ соотвѣтствіи съ западной Европой и Россія въ 60-тыхъ годахъ приходитъ къ увлеченію естественными науками, а черезъ нихъ къ самому крайнему матеріализму.

И еще одна переменна. Въ русской жизни, какъ и въ литературѣ, до 60-тыхъ годовъ первенствующее мѣсто занимало дворянство. Оно и только оно выдвигало и писателей, и героевъ творчества; его психологія единственно была предметомъ литературныхъ произведеній. Если писатели иной разъ и пытались вывести крестьянъ или разночинцевъ, то это всегда было съ особой цѣлью и тенденціей; Карамзинъ въ „Бѣдной Лизѣ“ доказываетъ, что и „крестьяне любятъ умѣютъ“, Гоголь въ „Шинели“ объ Акакіи Акакіевичѣ, мелкомъ забитомъ чиновникѣ говоритъ: „Я братъ твой!“ Эти мысли считались нуждающимися въ доказательствѣ, подчасъ даже парадоксальными. Въ 60-тыхъ годахъ герои изъ разночинцевъ являются любимыми героями литературныхъ произведеній, и это объясняется весьма просто, такъ какъ и изъ писателей этой эпохи многіе принадлежатъ къ тому-же классу.

Типичнѣйшимъ представителемъ людей новой эпохи является герой романа Тургенева „Отцы и дѣти“—Евгеній Васильевичъ Базаровъ.

Аркадій Кирсановъ, желая превознести своего товарища передъ отцомъ и дядей, говоритъ о немъ: „хотите, я вамъ скажу, что онъ такое? Онъ нигилистъ“, и поясняетъ, что нигилистъ—это человекъ, „который ко всему относится съ критической точки зрѣнія“. Ничего, конечно, нельзя возразить противъ примѣненія критики къ предрассудкамъ и положеніямъ, которыя не имѣютъ за собой ничего, кромѣ долготѣйшей незыблемости. Но критическое отношеніе приводитъ Базарова къ отрицанію „въ силу ощущеній“, въ силу того, что это пріятно. И отрицаніе Базарова не всегда имѣетъ подъ собой логическое основаніе, онъ никогда не указываетъ, чѣмъ должно быть замѣнено разрушаемое имъ: „наше дѣло разрушать, а тамъ пусть строятъ другіе“.

Всякое увлеченіе прекраснымъ награждается Базаровымъ названіемъ „эстетики“, названіемъ, въ которомъ онъ видитъ нѣчто необычайно смѣшное. Онъ смѣется надъ Аркадіемъ, увлекшимся красотой вечера. Отвергая красоту въ природѣ, онъ тѣмъ болѣе, конечно, отрицаетъ живопись и музыку. Именно его вліянію слѣдуетъ приписать удивленіе Аркадія при видѣ отца, который перечитываетъ, Богъ вѣсть, въ который разъ, Пушкина.

Но отрицаніе Базарова не останавливается на сравнительно безобидной эстетикѣ. Онъ не признаетъ принциповъ, считая ихъ бесполезными словами и сваливая въ одну кучу съ „аристократизмомъ, либерализмомъ, прогрессомъ“. Онъ отвергаетъ всякіе авторитеты, гордо отвергая всѣ чужія мнѣнія и весь выражаясь въ одномъ вскользь брошенномъ замѣчаніи:

— Я ничьихъ мнѣній не раздѣляю: я имѣю свои.

Традиція не связываетъ Базарова. Напротивъ, онъ все традиціонное готовъ отвергать уже по одному тому, что оно традиціонно.

Къ такимъ традиціямъ относитъ Базаровъ многіе вѣковые устои. Онъ отвергаетъ семью. Когда предъ смертью отецъ предлагаетъ ему

повидаться съ ближайшимъ другомъ, Базаровъ съ трудомъ припоминаетъ, „кто такой Аркадій Николаичъ“, и только потому, что тотъ „въ галки попалъ, а галка самая почтенная семейная птица“. Когда съ нимъ говорятъ объ общественности, онъ заявляетъ: „Я тогда буду готовъ согласиться съ вами, когда вы мнѣ представите хоть одно постановленіе въ „совершенномъ нашемъ быту“, которое бы не вызывало полного, беспощаднаго отрицанія“.

И любовь и привязанность въ глазахъ Базарова—„это романтизмъ, это значить, разсыропиться“. Въ разговорахъ съ Одинцовой онъ называетъ любовь напускнымъ чувствомъ и тщательно скрываетъ свою привязанность къ родителямъ и другу.

„Разночинство“ наложило опредѣленную печать на Базарова: воспитаніе въ трудовомъ духѣ сдѣлало изъ него человѣка, провозгласившаго, что „природа—не храмъ, а мастерская, а человѣкъ въ ней работникъ“. Оно же внушило ему тотъ рѣзкій и опредѣленный демократизмъ, который является одной изъ симпатичнѣйшихъ чертъ въ немъ.

Разсмотрѣвши такимъ образомъ то новое во взглядахъ, чѣмъ отмѣчена эпоха, его создавшая, обратимся теперь къ характеристикѣ „новаго человѣка“.

Со большимъ общимъ и специальнымъ образованіемъ Базаровъ соединяетъ недюжинный умъ. Онъ умѣетъ быстро и правильно распознавать людей. Немногіе изъ нихъ кажутся ему привлекательными, но съ тѣми, которые сумѣли его заинтересовать, онъ очень занимательный собесѣдникъ. „Съ вами говорить весело“, замѣчаетъ скупая на комплименты Одинцова. А Аркадій до конца боготворитъ Базарова, хоть его и коробитъ подчасъ отъ слишкомъ рѣзкихъ выходокъ друга. Эти рѣзкости происходятъ отъ критическаго склада ума Базарова, о которомъ уже говорилось выше; но эта критика какъ-то къ лицу ему, отмѣченному сильной смѣлостью взглядовъ, смѣлостью бойца за идею.

Честность и правдивость—характернѣйшія стороны души Базарова. Изъ этихъ сторонъ его истекаетъ его боязнь „фразы и позы“, боязнь, которая сказалась въ его извѣстномъ восклицаніи:

— „О другъ мой, Аркадій Николаевичъ! объ одномъ прошу тебя: не говори красиво“.

Честность Базарова сказывается въ его умѣніи всецѣло отдаться увлечшей его идеѣ, любимому дѣлу. Дѣло увлекаетъ его всецѣло, въ немъ онъ находитъ успокоеніе отъ всѣхъ ударовъ судьбы. Возвратившись отъ Одинцовой, онъ, по свидѣтельству Тургенева, „уединился окончательно: на него нашла лихорадка работы“. Вообще онъ не даетъ личнымъ горестямъ сломить себя: „Самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не ломаетъ. Амины! Кончено!“

Въ борьбѣ съ собой Базаровъ всегда находитъ поддержку въ своей колоссальной гордости. Эта то гордость не даетъ Базарову близко сходитьсь съ людьми. И самые расположенные къ Базарову люди рано или поздно испытываютъ эту гордость на себѣ. Вотъ что думаетъ о ней Аркадій:

— „Эге, ге!“ подумалъ про себя Аркадій, и тутъ только открылась ему на мигъ вся бездонная пропасть базаровскаго самолюбія. Мы, стало быть, съ тобой боги? То-есть ты—богъ, а олухъ ужъ не я ли?“

Рядомъ съ гордостью стоитъ въ Базаровѣ громадная сила воли при чемъ въ немъ одинаково развиты и дѣятельное и сдерживающее начало. Въ этомъ отношеніи Базаровъ является совершенной противоположностью героямъ прежняго поколѣнія, слабому, безвольному Рудину,¹⁾ Гамлету Щигровскаго уѣзда²⁾ и пр. Ему не приходится, какъ имъ, молиться: обращаясь къ тѣни матери, о томъ,

„Чтобъ ту силу, свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила бы волей ты твердою
И на правый наставила путь.“³⁾

Эта сила воли помогаетъ Базарову въ его вѣчной и неустанной борьбѣ за свободу духа. Въ ней же онъ черпаетъ и героизмъ, обнаруживаемый имъ въ предсмертные дни.

Такова эта большая и съ разныхъ сторонъ обрисованная въ романѣ фигура. Тургеневъ много позаботился о точномъ воспроизведеніи въ ней типа, появившагося въ то время въ русской жизни, и ужъ, конечно, не его вина, что типъ этотъ производитъ впечатлѣніе извѣстной несформированности. Таковы были въ то время Базаровы и въ жизни.

Неполная сформированность типа сказалась прежде всего въ нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ, которыя не трудно обнаружить въ теоріяхъ Базарова.

Мы уже видѣли, что Базаровъ объявилъ себя противникомъ всякихъ принциповъ. И онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

— Мы дѣйствуемъ въ силу того, что признаемъ полезнымъ, т. е. выдвигаетъ вполне опредѣленный принципъ полезности.

Еще больше противорѣчатъ теоріямъ Базарова нѣкоторые поступки его. Онъ отрицаетъ чувство и испытываетъ романтическую любовь къ Одинцовой, привязанность къ другу, нѣжность къ родителямъ.

¹⁾ См. сочин. № 1.

²⁾ См. сочин. № 1.

³⁾ Некрасовъ: „Рыцарь на часъ“.

Онъ обрекаетъ себя на одиночество среди людей и сильно страдаетъ отъ этого одиночества, онъ сравниваетъ себя во время вызова на дуэль съ „ученой собакой, отламывающей комедию“, но принимаетъ вызовъ, и т. д.

Среди современниковъ Тургенева „Отцы и дѣти“ вызвали безконечное множество оживленныхъ толковъ и ожесточенныхъ споровъ. Одни превозносили романъ до небесъ, другіе видѣли въ немъ злостный пасквиль и клевету на молодежь. И именно это живое отношеніе можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ того, что Тургеневъ удачно справился со своей задачей, что его Базаровъ выхваченъ прямо изъ жизни, правильно зарисованъ нашимъ знаменитымъ „ловцомъ момента“.

6. „Отцы“ сороковыхъ и „дѣти“ шестидесятыхъ годовъ въ романѣ Тургенева „Отцы и дѣти“.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Русская жизнь по произведеніямъ Тургенева.

Изображеніе жизни, какъ отличительная черта таланта Тургенева.

Изложеніе.

А) Сороковые годы. („Отцы“).

а) Павелъ Кирсановъ:

а) байронизмъ,

б) англоманство,

γ) фразерство,

δ) чувство любви, какъ главное содержаніе жизни.

б) Николай Кирсановъ:

а) увлеченіе поэзіей,

б) романтизмъ,

γ) отношеніе къ брату,

δ) къ сыну,

ε) къ Феничкѣ.

в) Родители Базарова:

а) патріархальность,

б) взаимная любовь,

γ) любовь къ сыну,

- δ) релігійність,
- ε) низький рівень розвитку.

Б) Шестидесятьє роки („Дѣти“).

а) Люди, усвоившіє внѣшнюю сторону движенія:

- α) Арк. Кирсановъ,
- β) Ситниковъ,
- γ) Кукшина.

б) Базаровъ:

- α) устійчивость,
- β) убѣжденность,
- γ) енергія и сила воли,
- δ) образованность,
- ε) отсутствіе фразерства,
- ξ) нигилизмъ,
- η) трудоспособность,
- θ) демократизмъ.

См. соч. № 4.

Заключеніе.

„Отцы“ и „дѣти“
(Параллель).

7. Особенности творчества и таланта Тургенева.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Мѣсто Тургенева

- а) въ русской литературѣ XIX в.,
- б) въ міровой литературѣ.

Изложеніе.

Особенности творчества Тургенева.

- а) реализмъ.
- б) психологическій анализъ,
- в) сюжеты.
- г) способъ трактовки сюжетовъ,

д) форма:

а) стиль,

β) языкъ.

е) настроенія преобладающія, въ произведеніяхъ Тургенева:

а) гуманность,

β) патриотизмъ.

ж) Тургеневъ, какъ „ловецъ момента“.

Заключение.

Значеніе Тургенева въ русской литературѣ,

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ.

	коп.		коп.
Востока и мисовъ Иванова	25	Геометріи Киселева . . .	40
Древней ист. по нов. учебн.	25	Геометріи Давыдова . . .	40
Древней ист. Карѣва . . .	30	Геометріи по нов. учебн.	40
Древней ист. Иванова . . .	25	Тригонометр. Злотчакскаго	30
Древней ист. Виноградова	25	Тригонометр. по нов. учебн.	40
Древней исторіи Знойко . . .	30	Физики Краевича . . .	40
Среди. ист. по нов. учебн.	25	Физики Киселева . . .	40
Средней ист. Карѣва . . .	30	Физики Косоногова . . .	40
Средней ист. Иванова . . .	25	Физики по нов. учебн. . .	40
Средней ист. Виноградова	25	Космографіи Щербакова .	30
Средней ист. Знойко . . .	30	Космографіи по нов. учебн.	30
Новой ист. по нов. учебн.	35	Законовѣдѣнія Крюков-	
Новой ист. Карѣва . . .	30	скаго и Товстолѣса . . .	35
Новой ист. Иванова . . .	25	Законовѣдѣнія по нов. учеб.	35
Новой ист. Виноградова .	25	Логики Челпанова . . .	25
Новой ист. Знойко . . .	35	Логики по нов. учебн. . .	25
Русской ист. по нов. учебн.	35	Психологіи Челпанова . .	25
Русск. ист. Платонова 2 ч.	25	Психологіи по нов. учебн.	25
Русск. ист. Елпатьевского	25	Церк.-слав. грамматики . .	25
Русской ист. Иванова . . .	30	Церк.-слав. грам. Колосова	25
Русск. ист. Острогорскаго	25	Ист. словесн. по нов. учеб.	
Всеобщей географіи по нов.		ч. I в. I и II и ч. II по 30 и 35	
учебн. Курсъ II кл. . . .	25	Ист. словесн. Сиповскаго	
Европы по новѣйш. учебн.	25	ч. I в. I и II и ч. II по 30 и 35	
Россіи по новѣйш. учебн.	25	Ист. литературы Саводника	
Географіи Крубера ч. I . . .	25	ч. I и ч. II по . . .	35
Географіи Крубера ч. II . . .	25	Тоже по нов. уч. ч. I и II по	35
Географ. Европы Крубера	25	Теоріи словесн. по нов. уч.	35
Географіи Иванова ч. I . . .	25	Теоріи словесн. Шалыгина	35
Географіи Иванова ч. II . . .	25	Арифметики Киселева . . .	30
Геогр. Европы Иванова ч. III	25	Арифметики по нов. учебн.	30
Геогр. Россіи Вѣлоха ч. IV	25	Природовѣдѣнія Левина . .	35
Геогр. Россіи Лесгафта . . .	25	Природовѣд. по нов. учебн.	40
Геогр. Россіи Курдова . . .	25	Естеств. ист. по нов. учеб.	40
Сравн. геогр. по нов. учебн.	25	Естеств. истор. Износкова	40
Сравнит. геогр. Матченко	25	Политической экономіи . .	40
Алгебры Киселева . . .	40	Статистики по нов. учеб.	75
Алгебры по нов. учебн. . .	40	Слово о Полку Игоревѣ . .	40

С Л О В А Р И.

Майдановъ и Рыбаковъ:

Новый карман. словарь
иностраннхъ словъ въ
роскош. переплетѣ со-
держитъ 1056 стр. 1 р. —
тоже безъ переплета . 75

А. М. Ильинъ: Орфографи-
ческій исправочный сло-
варикъ заключаетъ свы-
ше 25000 словъ (364
стр.) съ указаніемъ уда-
реній и переноса словъ. 12

Темники.—Рѣшенія задачъ.

коп.

коп.

- И. И. Аншелесъ.** Исторія русской литературы въ вопросахъ и отвѣтахъ по Алферову, Балталону и др: Вып. I и II Пушкинъ по 40
- В. Павловъ.** Обработанныя сочиненія литературнаго характера съ подробными планами.—Содержаніе и разборъ произвед. съ характеристиками главныхъ дѣйств. лицъ. Примѣнительно къ курсу среднеучебныхъ заведен.:
 Произв. нар. творч. 2 ч. по 25
 Петровская эпоха . . . 35
 Писатели эпохи Екатер. II 25
 И. С. Тургеневъ. 2 ч. по 35
 И. А. Гончаровъ 2 ч. по 35
 А. Н. Островскій . . . 25
 Алексѣй Толстой . . . 25
 В. А. Жуковский . . . 25
 Л. Н. Толстой 3 ч. по . 35
 А. С. Грибоѣдовъ . . . 25
 М. Ю. Лермонтовъ . . . 30
 Н. В. Гоголь ч. I, ч. II по 35
 А. С. Пушкинъ 4 ч. по 25 и 35
 А. Д. Кантемиръ . . . 25
 Киевская Русь . . . 25
 Сентиментализмъ и Ка-
 рамзинъ 2 части по . 25
- В. Г. Бѣлинскій.** Критич. статьи о произведен.:
 А. В. Кольцова . . . 20
 В. А. Жуковского . . . 25
 М. Ю. Лермонтова . . . 30
 Г. Р. Державина . . . 25

А. К. Семеновъ:

Отвлеченныя темы:

Пословицы.

Разсужденія.

Историческія темы. 1 р. 10
 Темы по теор. словесн. 1 р. 25
 Темникъ, курсъ 8-го класса
 2 части по. . . 1 р. 25

Д. Т. Давыдовъ:

Сочиненія съ планами и
 примѣчаніями. Курсъ V
 и VI класса по . 1 р. 25

В. Павловъ. Подробное из-
 ложеніе содерж. произв.
 слѣдующихъ писателей:

И. С. Тургеневъ . . . 25
 Н. В. Гоголь . . . 25
 А. С. Пушкинъ, ч. I, II по 25
 Л. Н. Толстой, ч. I, II по 35
 И. А. Гончаровъ . . . 25
 А. Н. Островскій . . . 25
 Петровская эпоха . . . 25

Рѣш. геометр. зад. Рыбки-
 на ч. I. Планиметр. 1 р. 50

Рѣш. всѣхъ алгебр. за-
 дачъ Кліоновскаго 1 р. 20

Рѣшенія 1-хъ и 2-хъ ~~ММ~~
 всѣхъ алгебраич. задачъ
 Шапошникова-Вальцова:

ч. П. в. I и II по . 1 р. 20
 ч. П. в. III и общ. отд. I. р. 80

Отдѣльные отдѣлы того-же:
 VII-50 к., VIII-70 к., IX-60 к.,
 X-1 р. 20 к., XI-1 р. 20 к.,
 XII-40 к., XIII-90 к., XIV-
 80 к. Общ. отд.-40 к.

2010515680